

КОММЕНТАРИИ К КНИГЕ

ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ ХАЯКАВЫ

автор: Брюс Кодиш

Примечание редактора: Данный обзор самой известной книги С. И. Хаякавы был написан до его смерти. Мы не смягчали выраженную оценку. Наше отношение сходится с отношением Макса Блэка в его обзоре работы Коржибски, в статье *Language and Philosophy* (Язык и Философия) (1949); он сказал: «Серьёзную критику можно принимать как обоснованный комплимент». Мы также не изменили высказывания, употреблённые в настоящем времени, предполагая, что мы имеем дело с до сих пор живой работой, которая продолжит быть (в пятом издании) влиятельным введением в общую-семантику.

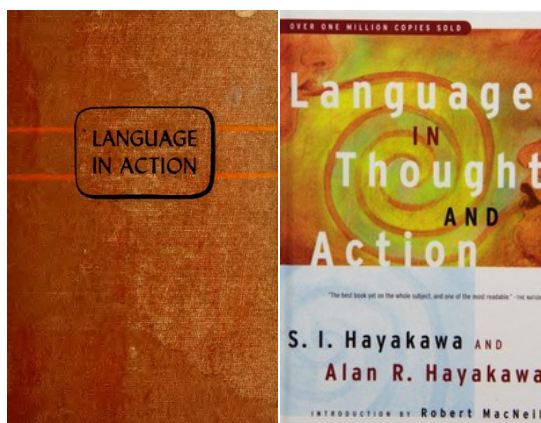
(Он должен, так сказать, отбросить лестницу, взобравшись на неё.)

—Людвиг Витгенштейн, *Логико-Философский Трактат* 6.54

С. И. Хаякава (1906 – 1992), рождённый в Канаде, играл много ролей: писатель, преподаватель, президент колледжа, сенатор США из штата Калифорния, и редактором журнала *Etc.: A Review of General Semantics* в первые двадцать шесть лет его существования. Он начал свою карьеру студентом – филологом, а затем, в тридцатых годах, учителем английского языка в Университете штата Висконсин. За свою длинную карьеру в преподавании, писательстве и политике, он сохранял интерес к тому, какую роль язык играет в жизни человека, и, возможно, стал наиболее заметной и узнаваемой фигурой в сфере общей-семантики.

Его книга *Language In Thought And Action* (Язык В Мысли И Действии), пожалуй, является его наиболее известной работой, к которой сохраняется интерес до сих пор. Пятое издание этой книги (в соавторстве с его сыном, Аланом) вышло в 1990 году – пятидесятом по счёту с тех пор как вышло первое печатное издание для первокурсников филологических факультетов, *Язык В Действии*. (Название было изменено в 1949 году.)

В интервью Рою Фоксу, опубликованном в *ETC.* в 1991 году, Хаякава сказал следующее о своей книге:

...Я сделал больше для работы Коржибски, чем какой-либо другой писатель! Я хочу сказать, конечно, было немало хороших книг на эту тему от других авторов, например *People in Quandaries* (Люди в Недоумении) Уэнделла Джонсона и *Language Habits in Human Affairs* (Языковые Привычки в Человеческих Делах) Ирвина Ли, но интерес к ним не сохранялся настолько же долго. Никто из них не написал книги о семантике, которая, как моя, была занесена в библиотеку избранных произведений Книжного Клуба.[1]

В данной статье, я рассмотрю утверждение Хаякавы из этой цитаты. Что конкретно его письменный труд, *Язык В Мысли И Действии* (здесь и далее называемый *ЯВМИД*), сделал для работы Коржибски – для общей-семантики?

Без сомнений, писательские навыки Хаякавы заслуживают уважения. Без сомнений, книга прожила долго. (Так же как и книга Джонсона, которая до сих пор издаётся, и книга Ли, которая скоро снова начнёт издаваться; хотя, я согласен, что ни одна из них не была занесена в библиотеку избранных произведений Книжного Клуба). Без сомнений, книга была очень популярна.

Свидетельство её влияния можно найти во введении Роберта Макнила к розничной версии издания. Макнил, впервые познакомившийся с *ЯВМИД*, будучи первокурсником в колледже в 1949 году, пишет: «Знакомство с этой книгой в молодости во многом сформировало мои взгляды... Хаякава был моей первой школой журналистики». (с. vi-vii) «После перепрочитания этой книги, я стал лучше понимать динамику нашей ежедневной программы, 'Macneil/Lehrer NewsHour.' В нашем журналистском подходе мы практикуем то, что Хаякава называет «многосторонним ориентированием», которое предполагает понимание, что вещи и события не всегда чёрные или белые, плохие или хорошие, как мы часто их видим. Мне кажется, что впервые я этому научился из этой книги сорок лет назад. Но в заключении я выражу своё суждение: книги о языке редко бывают такими притягательными, какой оказалась эта». (с. ix)

Именно по этим причинам, его писательские навыки и вытекающие из них долгожительство, популярность и влияние *ЯВМИД* и других работ, вклад Хаякавы в общую-семантику сложно однозначно считать благом. Притом что книга познакомила многих людей с работой Коржибски, в то же время, она создала её устойчивые недопонимания.

В этом обзоре я рассмотрю недопонимания в *ЯВМИД* (со ссылками на страницы), которые возникли, как мне кажется, из-за неадекватного обращения с общей-семантикой как с системой, и неадекватного применения этой системы к некоторым из важных для Хаякавы вопросам.

Непонимание общей-семантики как системы начинается с Предисловия и продолжается на протяжении книги из-за того, что Хаякава не проводит различие между общей-семантикой и семантикой. Частое спутывание общей-семантики с 'семантикой', даже в среде людей занимающихся общей-семантикой (или же

правильнее сказать 'семантикой'), можно отследить в том, как Хаякава использует эти два термина взаимозаменяемо.

В Предисловии, он утверждает цель *ЯВМИД*:

Учиться мыслить яснее, говорить и писать эффективнее, слушать и читать с большим пониманием – эти цели ставит изучение языка со времён тривиума в средневековье и по сей день на уроках английского языка. Данная книга рассматривает эти традиционные цели через призму современной семантики – то есть, через понимание ролей различных применений языка...[2]

«Семантика», по словам Хаякавы, «изучает взаимодействие посредством коммуникации». (с. ix) Он признаёт: «Больше всего я благодарен...общей семантике ('не-аристотелевой системе') Альфреда Коржибски. Я также взял многое из работ других авторов из области семантики...» (с. x) Затем он перечисляет таких людей как Огден и Ричардс, Веблен, Сепир и других. В этом высказывании Хаякава подразумевает, что общая-семантика относится к категории изучения семантики. Но что отличает работу Коржибски от упомянутых? Это отличие, которое Коржибски считал существенно важным (и которое, более того, лежит в основе его работы), в книге Хаякавы не упоминается.

Безусловно, Коржибски был заинтересован в изучении и улучшении взаимодействия людей посредством коммуникации – того, как люди применяют язык. Но учитывая усилия, которые Коржибски приложил к тому, чтобы чётко указать отличие его применения термина «семантический» («семантическая реакция», «общая семантика») от того, как он применяется другими, мне сложно понять, как кто-то, выражающий особую благодарность ему и настолько обеспокоенный точной коммуникацией, может упустить то, что Коржибски использовал этот термин в совершенно другом и особом смысле. Сфера семантики в философии и лингвистике имеет дело со 'значениями' слов. Сюда относится изучение отношений слов с тем, что они обозначают и историческим изменениям в 'значениях' слов. Работа Коржибски безусловно влияет на эти области, но фокусируется на чём-то более широком: оценивании.

Коржибски описывал общую-семантику как общую теорию оценивания. Каждый раз, когда он использует термин «семантический», например «семантическая реакция», «семантические блокировки», и т.д., его можно заменить термином «оценочный». Общая-семантика, как общая теория оценивания, изучает семантические или оценочные реакции – неврологические отклики организма-как-целого-в-среде определённого индивидуума на слова, символы и другие процессы в зависимости от их 'значений', значимости, и т.д.

В традиционных теориях 'семантики' изучаются 'значения' слов в рамках вербальных определений, отдельно от вопросов, касающихся нервной системы и, следовательно, вербальных и невербальных реакций на слова, символы и другие события. Коржибски же рассматривал семантическую или оценочную точку зрения как неотъемлемо нейро-семантическую, нейро-оценочную. В этом всегда участвует нервная система человека, создающая 'значения' как вербально, так и невербально. Соответственно, Коржибски занимался более широкими вопросами, нежели изучение языка. Он отказывался считать так называемые 'интеллектуальные' и

'эмоциональные' аспекты 'значений' строго вербальными или полностью отдельными друг от друга.

У Хаякавы не получается провести различие между общей-семантикой Коржибски – общей теорией оценивания – от семантики – изучения значений слов. В *ЯВМИД* он продвигает смесь того и другого, стоя одной ногой в общей-семантике, а другой – в старом элементаризме, и в результате сильно искажает работу Коржибски. В последующих изданиях *ЯВМИД* этому различию так и не было уделено внимание, и это повлияло на речь и на письменные труды других 'семантистов'. В ответ на такое применение термина, редакторы периодического издания *General Semantics Bulletin* не так давно решили добавить дефис к термину «общая семантика» и писать: «общая-семантика» во всех новых письменных работах, чтобы чётче указать, что это отдельная, другая дисциплина. (Полное описание можно найти в *General Semantics Bulletin* #55, 20 (1990).)

Как это влияет на остальную презентацию Хаякавы? Многие части кажутся отличными, но, на мой взгляд, они не совсем складываются в единое-целое. *ЯВМИД* работает хорошо как введение во многие вопросы, которыми занимаются в общей-семантике, например, широкие последствия применения языка. Однако она работает хуже как введение в систему общей-семантики. Собственно, она представлена как книга о современной 'семантике'.

ЯВМИД разделена на две книги: Книга 1, «Функции Языка», рассматривает различные примеры использования и типы доступного нам языка; Книга 2, «Язык и Мысль» рассматривает оценочные процессы и семантическую среду, которую создаёт литература и СМИ.

В Главе 1, «Язык и Выживание», Хаякава приводит прекрасное объяснение время-связывания – основополагающего понятия в работе Коржибски. Он начинает с того, что подвергает сомнению традиционное понятие «естественного отбора», задавая вопрос о том, что составляет «человеческую приспособленность». Человек, в отличие от животного, способен использовать символы, что позволяет нам коммуницировать друг с другом и, таким образом, потенциально извлекать пользу из опыта друг друга, от-человека-к-человеку, социально и через поколения. Хаякава подчёркивает здесь этическую значимость. «Культурное и интеллектуальное сотрудничество является, или должно являться, великим принципом человеческой жизни». (с. 8) Влияние Коржибски здесь видится ясным, но мне кажется неадекватным время-связыванием то, что Хаякава не упоминает в этой главе самого Коржибски или термин «время-связывание».

В Главе 2, «Символы», Хаякава более подробно описывает способность использовать символы. Символический процесс, в котором мы принимаем, что «некоторые вещи обозначают другие вещи...» (с. 14), присутствует во всех видах деятельности человека. Он также достаточно настойчиво указывает, что **«Неотъемлемой связи между символом и символизируемым не существует»**. (с. 16) Он вводит понятие, что слово – это не вещь, карта – не территория, и в этот раз, признаёт, что источником этой аналогии послужил Коржибски.

К сожалению, Хаякава вносит значительное искажение в формулировку Коржибски. Он проводит различие между вербальным миром, называя его

интенциональным, и миром опыта, называя его экстенциональным. По словам Хаякавы, наши вербальные или интенциональные сообщения выполняют функцию карт к территориям невербального или экстенционального мира нашего опыта. Выражаясь по-другому (что, как мне кажется, не противоречит словам Хаякавы):

Карты (сообщения) = Интенциональный (вербальный) мир
Территория (опыт) = Экстенциональный (невербальный) мир

Нервная система человека, как отметил Коржибски, абстрагирует. Она отбирает, преобразовывает, фильтрует, интегрирует и проецирует или распределяет сообщения изнутри и снаружи нашей кожи. Процесс абстрагирования, как процесс картирования или репрезентации, включает оба, и вербальный, и невербальный уровни. Главная ошибка Хаякавы здесь состоит в том, что он уравнивает карты со словами, а территорию с невербальным опытом.

Конечно, вербальные сообщения картируют или представляют территорию нашего невербального опыта. Однако, как отмечает сам Хаякава, вербальная карта может также служить территорией для дальнейшего вербального картирования. Можно создавать карту карты карты, и т.д.

Помимо этого, наш невербальный опыт, наше восприятие – это тоже карты. Наивный реалист принимает невербальный опыт – то, что мы осязаем, чувствуем на вкус, видим, слышим, и т.д. – за 'то, как оно есть'. На сегодняшний день, благодаря результатам исследований в физике, неврологии и в других науках нам известно, что то, что каждый из нас испытывает невербально, возникает из взаимодействия между подразумеваемыми событиями, происходящими внутри наших нервных систем. Сами наши опыты восприятия составляют карты – формы представления взаимодействий между этими событиями. Мы не можем знать или испытывать 'вещи сами по себе' – 'чистую реальность' – напрямую.

То, что Хаякава приравнивает слова к картам, а опыт к территории, не умаляет силы аналогии карты-территории. Однако у него не получается связать картирование с процессом абстрагирования.

Представлены части системы, но не то, как они связаны. Это можно наблюдать в том, как он подчёркивает вербальные 'значения', что говорит о фокусе на 'семантике', нежели на процессах оценивания, в которых участвуют вербальные и невербальные уровни, как это рассматривает общая-семантика.

Остаток книги включает главы «Сообщения, Заключение, Суждения», «Контексты», «Двойная Задача Языка», «Язык Социального Единства», «Язык Социального Контроля», «Язык Аффективной Коммуникации». В этих главах обсуждается обозначение словами и различные функции языка.

Обсуждение обозначения – весьма полезно. Он верно отмечает, что индивидуум интерпретирует 'значение' высказывания или речевого акта функционально как вербальному, так и невербальному контексту, в котором они происходят. Исходя из этого, он заключает:

«...так как никакие два контекста высказывания никогда не бывают **в точности** одинаковыми, то и никакие два значения никогда не могут быть в точности одинаковыми.... Мы не можем

знать, что означает слово до тех пор, пока оно не сказано. Всё, что мы можем знать заранее о его высказывании – это то, что оно примерно будет значить. После высказывания, мы интерпретируем сказанное, опираясь как на вербальный, так и на физический контексты, а потом действуем или понимаем в соответствии с нашей интерпретацией. (с. 39)

Сегодня, даже для многих лингвистов, это далеко не очевидно. Фромкин и Райнхарт пишут в *An Introduction to Language*:

Мы можем знать, что значит слово, не зная ничего о ситуации, в которой оно использовано в высказывании... То, что слово имеет **в точности** одинаковое значение, будучи использованным каждый раз – не важно. Важно то, что если бы слова не имели в сущности одинаковое значение от одного высказывания к другому, то два человека, говорящих на одном языке не смогли бы друг друга понимать. [3]

Хаякава оспаривает убеждение в том, что в самих словах существует некое 'внутренне присущее' 'значение', и я это очень одобряю. Он предпринимает попытку, в немалой степени успешную, показать, как люди могут научиться лучше понимать друг друга за счёт осознания, что «Контексты определяют значение» и «Значения слов – не в словах; они – в нас». (с. 212)

К сожалению, в его обсуждении он не затрагивает наиболее важный контекст того, как мы создаём 'значения' – неврологический. Я имею ввиду контекст определённой нервной системы, создающей 'значения', потому что 'значения' всегда создаются в контексте определённой нервной системы. Мы автоматически учитываем этот неврологический контекст, когда мы осознаём абстрагирование, как это было сформулировано Коржибски. Это также происходит, когда мы говорим о «семантических реакциях», в которые входят ощущения в животе, покраснение лица и/или другие невербальные физиологические события, в которых нервная система индивидуума всегда выступает посредником.

*Хаякава игнорирует ещё один важный контекст 'значения' – порядок или уровень абстракции, относящийся к многопорядковым терминам. Я разберу это далее в обсуждении того, как Хаякава обошёлся с процессом абстрагирования.

Вместо этого, Хаякава продолжает говорить о 'значениях' слов. Если 'значения' слов – не в словах, а в нас, то нам нужен способ напоминания себе об этом, когда мы говорим о 'значениях'. В противном случае, мы легко можем вернуться к привычке игнорировать неврологический контекст слов, символов и других событий, которые мы интерпретируем. Коржибски предложил обособлять элементиалистские термины (предполагающие разделение, не соотносящееся с фактами) кавычками. Я бы рекомендовал термин 'значение', как он был использован выше. Использование кавычек в обсуждении того, что 'значения' – в нас, и употребление не-элементиалистских слов, как «семантическая реакция» и «оценивание», вместе смогли бы внести бóльшую ясность. Вместо этого Хаякава скатывается к элементиализму, которого так старательно порой пытается избегать.

Элементализм можно наблюдать снова в его обсуждении различных функций языка. Хаякава различает такие функции языка как 'информативная', 'аффективная', 'пре-символическая' и 'директивная'. Я придумал по примеру на каждую:

Информативная – «Я видел, как мальчик поднял сумку и ушёл с ней».

Аффективная – «Этот подлец обокрал пожилую женщину».

Пре-символическая – «Привет, как дела? Хорошая погода, правда?»

Директивная – «Мистер Смит, принесите мне, пожалуйста, дело Джонса».

Каждое из этих предложений, по-видимому, служит примером определённого аспекта применения языка. Проводить такие различия может быть полезно, до определённой степени, и Хаякава, до определённой степени, хорошо с этим справляется. Понимая разные функции применения языка – информирование, вызывание к 'эмоциям', сглаживание социального контакта, направление поведения – мы можем более осознанно формировать влияние, которое мы хотим создать в нашем общении с самими собой и с другими.

Однако от разговора об 'информативной', 'аффективной', 'пре-символической' и 'директивной' функциях или аспектах конкретного речевого акта, Хаякава переходит к элементалистскому обсуждению 'информативного', 'аффективного', 'пре-символического' и 'директивного' языка как такового. Тем самым он присваивает языку 'значения' независимо от нас, того как мы его применяем и того, как он влияет на нас. Если 'значения' высказывания – не в словах, а в нас, и зависят от их контекста, особенно неврологического контекста, то резонно было бы предположить, что любой речевой акт включает все эти функции.

Элементализм Хаякавы также можно наблюдать в его описании науки и литературы. «Литература – это наиболее точное выражение чувств, а наука – это вид наиболее точного сообщения». (с. 86) «Литература способна создать и передать то, как чувствуется жизнь». (с. 86) Наука занимается поисками «...общих законов наиболее широкого применения». (с. 86) Такое описание хорошо вписывается в общепринятые взгляды, но с точки зрения общей-семантики видится ограниченным.

Семантические реакции учёного, когда он «занимается наукой» нельзя отделить от 'чувств', ценностей, и т.д. А идея о том, что учёным не стоит заботиться о том, как чувствуется жизнь, и оставить это поэтам – весьма спорна. В данном случае значимость приобретают разработки в поведенческих и социальных исследованиях «романтической науки», как её называл невролог Александр Лурия. Лурия и невролог Оливер Сакс отмечали (далее цитата Сакса):

Жизнь пациента – очень важна в более высоких областях неврологии и психологии; в силу участия индивидуальности пациента, изучение болезни и личности нельзя отделять друг от друга. Такие расстройства, их исследование и описание, служат основанием для создания новой дисциплины, которую можно назвать 'неврологией личности' ...[4]

Описания случаев из их практики личных и межличностных опытов пациентов с мигренью, паркинсонизмом и других расстройств, демонстрируют – словами другого «романтического учёного» Рональда Лэйнга – что с точки зрения, с которой наука

«видит мир, не учитывая личные пристрастия... настолько же неуместна для исследования межличностного опыта, насколько межличностный опыт для неё».[5]

Можно сказать, что информативные цели научной коммуникации находятся ближе к одному краю континуума, а аффективные цели литературы – ближе к другому. Но как бы мы не различали применение языка 'науки' от 'литературы', полезно видеть их продуктами человеческих семантических реакций, в которых 'интеллект' и 'эмоции' не могут быть разделены.

В Книге 2, «Язык и Мысль», рассматривается то, как мы адекватно и неадекватно оцениваем, и то, как можно пользоваться языком, чтобы оценивать более здраво. Как и в Книге 1, здесь приведено много полезной информации, включая несколько интересных глав на тему того, как реклама, искусство (особенно литература) и телевидение влияют на наш процесс оценивания.

Я нахожу неправильным решение Хаякавы дать такое название Книге 2, и название всей книги, *Язык В Мысли И Действии*. Как и большинство его письменных трудов, в нём присутствует броскость и доступность, и в тоже время, в нём подразумевается элементаризм. Он начинает с описания проблемной ситуации в обществе, и, к сожалению, слишком часто сам оказывается в той же ситуации. Я не жду, что он назовёт её «Язык и Оценка» (такое название может показаться слишком неясным для большинства читателей как знакомых, так и не знакомых с общей-семантикой). Однако его не заботит подразумеваемый элементаризм в таких словах как 'мысль', 'разум', и т.д. Он мог писать простым и доступным и в то же время не-элементаристским языком, если бы он по крайней мере обособлял такие термины кавычками, и потом, в объяснении этого приёма, смог бы познакомить читателей с понятием элементаризма/не-элементаризма. Я подозреваю, что Хаякава не считает эту формулировку особо важной, потому что он вообще не обсуждает экстенциональные безопасные приёмы (кавычки и дефисы) и не пользуется ими.

Названия глав Книги 2 передают некоторую часть территории, которую она освещает: «Как Мы Знаем То, Что Знаем», «Маленький Человек, Которого Не Было», «Классификация», «Двустороннее Ориентирование», «Многостороннее Ориентирование», «Искусство и Напряжение», «Поэзия и Реклама», «Монетка в Музыкальном Автомате», «Пустой Глаз», «Крысы и Люди» и «К Порядку Внутри и Вовне».

Глава 9, «Как Мы Знаем То, Что Знаем», и Глава 10, «Маленький Человек, Которого Не Было», содержат представление Хаякавы о процессе абстрагирования, которое включает его «Лестницу Абстрагирования». Главным недостатком работы Хаякавы мне видится то, что он опускает и искажает важные аспекты процесса абстрагирования, сформулированного Коржибски. В этой части он больше всего обходит стороной общую-семантику как систему. Поэтому в остальной части этого обзора я сфокусируюсь на том, как Хаякава обошёлся с абстрагированием.

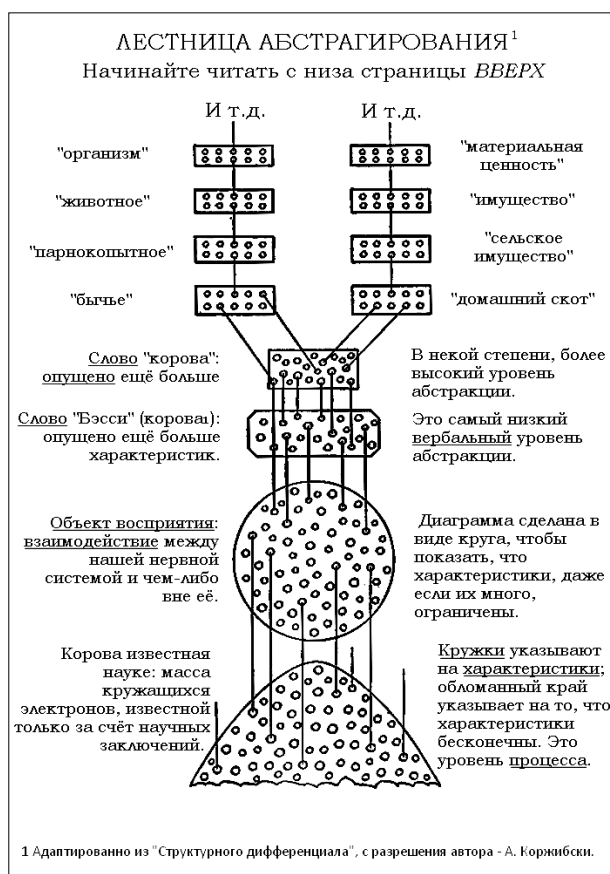
Хаякава начинает своё обсуждение абстрагирования с описания того, как современная наука объясняет процессуальную природу вселенной. Он подчёркивает, что «Абсурдно ...представлять, что мы воспринимаем что-либо так 'как оно есть на самом деле'». (с. 99) Здесь он знакомит читателя с коровой Бэсси и отмечает, что она «состоит из атомов, электронов, и т.д., о чём мы знаем из заключений

современной науки...» (с. 101) Далее, я бы хотел показать, почему эта часть книги вызывает у меня противоречивые чувства (и я не стану сдерживать себя в их выражении).

Он признаёт, что наши невербальные восприятия происходят «из взаимодействия между нашими нервными системами (со всеми их недостатками) и чем-то вне них». (с. 100) «Корова, которую мы воспринимаем – это не слово, а объект опыта, который наша нервная система абстрагирует (отбирает) из всего, что составляет корову-процесс. Множество характеристик коровы-процесса опущены». (с. 101)

По словам Хаякавы, на самом нижнем вербальном уровне абстракции, у нас могут быть слова, именующие наши невербальные восприятия. И мы именуем этот невербальный опыт словом «Бэсси». Это обозначение неизбежно опускает характеристики предыдущего уровня воспринимаемой коровы.

Хаякава ведёт своё обсуждение с использованием диаграммы «Лестница Абстрагирования», которая, по его словам, основана на модели структурного дифференциала Коржибски. Для лучшего понимания Хаякава рекомендует своим читателям прочесть Науку и Здравомыслие (Science And Sanity), в частности, Главу 25. Я так и поступил, и обнаружил, что Хаякава допустил ошибки. Я рекомендую сделать то же самое всем читателям *ЯВМИД*.

(слева) Диаграмма из книги *Язык В Действии*, издание 1947 года

(справа) Диаграмма из книги *Language In Thought And Action*, издание после 1949 года

«Лестница Абстрагирования» появляется на странице 101. Внизу страницы подпись под цифрой 1 описывает уровень процесса Бэсси. Над этой подписью схематично нарисована лестница, которая держится на некой предполагаемой опоре. У подножья лестницы, на ступенях, стоит маленькая карикатурная фигура человека, смотрящего вверх, который держит поднос с крохотными кружками, квадратиками и треугольниками, которые обозначают характеристики на данном уровне. Уровень, на котором он стоит, обозначен цифрой 2. В подписи рядом указано, что это уровень восприятия Бэсси.

Несколькими ступенями выше стоит второй человек с подносом с меньшим количеством геометрических фигур, что обозначает, что некоторые характеристики были опущены. Это уровень «3» обозначен «Бэсси» и описывается как вербальный уровень наименования воспринимаемой индивидуальной коровы. На промежутках в примерно десять ступеней стоит по человеку, и у каждого следующего всё меньше и меньше предметов на подносе. Уровень 4 обозначен словом «корова» - наименование класса для Бэсси и ей подобных. Уровни 5, 6, 7 и 8 обозначены словами «домашний скот», «фермерское имущество», «имущество» и «материальная ценность» соответственно. Каждый следующий уровень лестницы абстрагирования представляет более обобщающий термин классификации, с бóльшим опущенным количеством характеристик Бэсси.

Хаякава отмечает: «Используя лестницу абстрагирования, мы можем распределить высказывания и слова по различным уровням абстракции». (с. 108) Однако то, что он фокусируется в этой диаграмме на отдельных словах, упрощает понятие абстрагирования до способа показать, что слова могут иметь разные степени обобщённости. Едва ли это можно назвать новостью для последователей Аристотеля! Коржибски отмечал, что структурным дифференциалом можно пользоваться таким способом, чтобы показать «абстрагирование от события до объекта и присвоения имени объекту». [6]

Более значимый способ применения структурного дифференциала, который лестница абстрагирования не выделяет, включает распределение высказываний; Хаякава упоминает это, но не даёт подробных разъяснений. Коржибски пишет:

Другим способом мы можем иллюстрировать уровень высказываний, которые можно сделать о высказываниях. Если у нас есть разные объекты, и мы их называем разными именами, например, $A_1, A_2, A_3...A_n$, у нас всё равно нет утверждения. Для того чтобы сделать утверждение, нам нужно принять некий неопределённый относительный термин, которым мы можем установить связь между одним объектом и другим. Применение этой диаграммы для иллюстрирования **уровней или порядков высказываний** подразумевает, что мы отобрали некую метафизику, выраженную нашими неопределёнными терминами. Нам стоит полностью понимать разницу между этими **двумя** способами применения одной диаграммы для структурной иллюстрации двух аспектов одного процесса.[7]

Используя структурный дифференциал, чтобы сфокусироваться на уровнях высказываний, мы можем начать иметь дело с многопорядковыми терминами. Многопорядковому термину даётся определённое 'значение' в зависимости от уровня

высказывания или абстракции, на котором он используется. Уровень абстракции высказывания создаёт контекст оценки 'значения' этого термина. Многопорядковые термины включают слова «истинный», «ложный», «да», «нет», «любовь», «ненависть» и многие другие наиболее важные термины, которые мы используем. Сохраняя равнозначное словарное 'значение' на любом уровне, многопорядковый термин не имеет чёткого 'значения' до тех пор, пока не указан уровень абстракции. Таким образом, я могу сказать «Я люблю тебя», а затем, на следующем 'более высоком' уровне абстракции сделать высказывание о высказывании, такое как «Я люблю то, что я тебя люблю». Любовь к тебе (любовь₁) – это не 'то же самое', что любовь к любви (любовь₂ к любви₁). Обратите внимание на применение индексов, чтобы указать уровень многопорядкового термина; это применение Хаякава проигнорировал. Это очень эффективный и полезный способ применения, и он наглядно показывает взаимосвязь между аспектами общей-семантики как системы.

Существование многопорядковых терминов обусловлено само-рефлексивной природой процесса абстрагирования, который, как я уже отмечал в этом обзоре, представляет собой процесс картирования или репрезентации (представления). Любая форма репрезентации может быть представлена сверх самой себя. У нас может быть карта и карта этой карты, и карта этой карты этой карты, и так далее, до бесконечности. Хаякава не связывает понятие абстрагирования с понятием картирования или репрезентации, и поэтому игнорирует само-рефлексивность и многопорядковость.

Это нельзя назвать маленьким недочётом. Знание о само-рефлексивности и многопорядковости терминов, которое возможно благодаря более полному пониманию процесса абстрагирования, даёт полезные и эффективные инструменты для решения проблем.

Как-то раз, в длительной поездке, мои друзья предложили мне решить следующую задачу:

Вы стали узником в замке. Вас отводят в комнату с двумя дверьми и двумя роботами. Вас надёжно проинформировали о том, что одна из дверей ведёт к свободе, а другая – к верной смерти. Вам также известно, что один из роботов всегда говорит правду, а другой всегда врёт, и они оба знают о том, что находится за обеими дверьми. Вам разрешается задать только один вопрос только одному роботу, и вы не знаете, кто из них врёт, а кто говорит правду. Есть ли вопрос, который вы можете задать, чтобы получить свободу и избежать смерти?

Я нашёл решение этой проблемы с помощью структурного дифференциала и своего понимания многопорядковых терминов.** Я бы не смог этого сделать, пользуясь лестницей абстрагирования Хаякавы.

Из-за того, что Хаякава не показывает абстрагирование как процесс картирования или репрезентации, он фокусируется на нём как на процессе «опущения» (характеристик). Возможно, акцент, который он ставит на аспекте опущения, заставляет его опустить понятие картирования. Если мы принимаем, что карта или репрезентация – это не территория, которую она представляет, то, неизбежно, она не представляет 'всю' территорию, и неизбежно же, характеристики опускаются. Но если она вообще служит репрезентацией или картой, то в ней

должна оставаться некоторая структурная схожесть с территорией, которую она представляет.

Что опускается в ходе процесса абстрагирования? По словам Хаякавы – отличия. Процесс абстрагирования, представленный лестницей абстрагирования, подразумевает игнорирование отличий и, одновременно с этим, отмечание схожестей на более высоких уровнях обобщённости. Это не совсем верно. Хаякава опустил то, что мы воспринимаем, описываем и заключаем и схожести, и отличия, когда мы абстрагируем. Более того, как мы вообще можем формулировать понятие схожести без понятия отличия, и наоборот? Отличия и распознавание отличий видятся мне фундаментальными и фигурируют в любом обсуждении структуры, порядка и отношений в вербальных или невербальных уровнях абстракции.

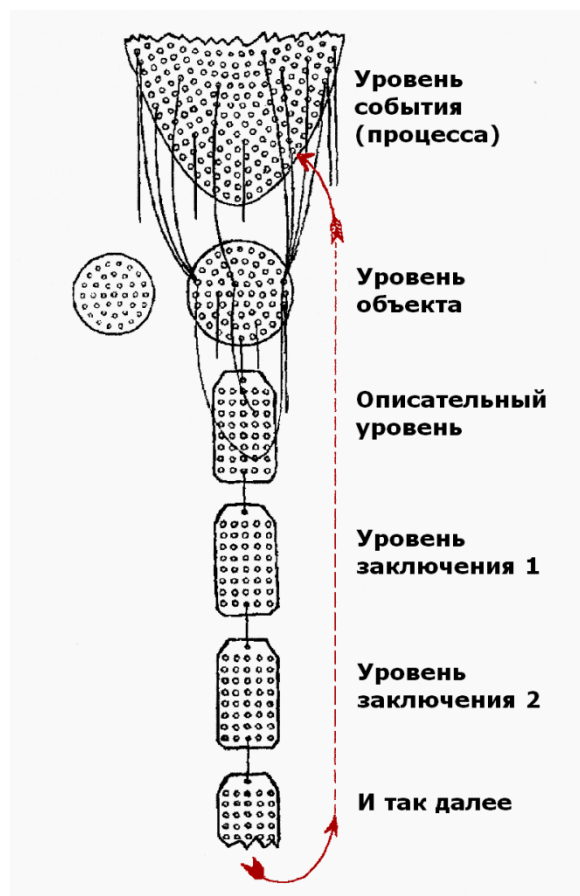
Даже в рамках модели Хаякавы акцент на опущении характеристик кажется не совсем правильным. Притом что характеристики опускаются по мере того как мы поднимаемся по лестнице и обобщённость классификаций повышается, косвенно включается больше индивидуумов.

Обсуждению процесса абстрагирования у Хаякавы также не хватает должного описания восприятия или абстрагирования на невербальных уровнях. Важной частью осознанности абстрагирования выступает 'инстинктивное' знание разницы между 'яблоком' на подразумеваемом уровне процесса или события, которое в действительности употребляю, и макроскопическим яблоком, которое я вижу, и вкус которого чувствую. Коржибски говорит: «отождествление научного объекта или события с обычным [воспринимаемым] объектом... можно назвать патологическим невежеством человека...» [8] Это называют наивным или прямым реализмом, и он, пожалуй, встречается чаще, чем кажется сторонникам общей-семантики. Упоминание, или лучше, несколько примеров таких вещей как демонстрации Эймса вместе с азами нейробиологии и психологии восприятия, как мне кажется, должны обязательно присутствовать в объяснении абстрагирования.

Несмотря на опущения, Хаякава даёт знать, что знаком с тем, что наши знания об уровне процесса вселенной, «события или научного объекта» словами Коржибски, выведены путём заключений. Заключения состоят из абстракций высокого порядка – высказываний о высказываниях, которые выходят за пределы того, что можно наблюдать напрямую; они основаны на наблюдениях и ими же могут быть проверены. Всё, что мы знаем о невербальном уровне события, отмеченным цифрой 1 на диаграмме Хаякавы, мы узнаём с помощью вербальных заключений более высоких порядков. Наши научные заключения в данное время дают нам более надёжные знания об уровне процесса, чем данные, полученные через наш 'невооружённый глаз'.

Коржибски называл это круговоротом человеческих знаний.

...наши знания о субмикроскопическом носят гипотетический характер. Мир ведёт себя так **будто** его механизмы такие, какими мы их знаем из наших самых высоких абстракций. И мы будем продолжать разрабатывать теории **с надлежащими терминологиями**, чтобы объяснить механизмы присущие миру, в котором мы живём, включая нас самих. Мы осмысляем природу нашими собственными высокими абстракциями и, тем самым, замыкаем круговорот человеческих знаний, без которого мы бы не смогли понимать природу. [9]

Коржибски обозначил этот круговорот в своей модели структурного дифференциала, соединив обломанный ярлык, обозначающий заключения самых высоких уровней на определённый момент, с обломанной параболой, обозначающей уровень события. Он подчёркивал, что нельзя отождествлять гипотетическое событие, не слова, которое предположительно существует вне нервной системы, с чем-либо, что мы можем о нём сказать, или с чем-либо, что мы воспринимаем. Все наши знания о нём приходят через восприятия нервной системы и символы. Мы не можем выйти за пределы нашей нервной системы, чтобы узнать, 'как оно есть на самом деле'.

*Кому-то это может показаться поводом для отчаяния или для заключения, что формулировками снимаются всякие ограничения. Психо-математические методы, сформулированные для общего применения в системе общей-семантики, обеспечивают нас инструментарием для оценки теорий, убеждений, верований, и т.д., в этой общей неопределённости.

Лестница Хаякавы не показывает важную связь между 'высшими' и 'низшими' уровнями абстрагирования. Мы видим маленького человека на вершине лестницы абстракции, держащего поднос лишь с двумя фигурами, потому что «почти всё, связанное с характеристиками Бэсси» было опущено. (с. 101) Такая упрощённая версия может дать ложное представление читателям о том, что абстракции высокого порядка стоит порицать, а это вывод, который бы сам Хаякава не поддержал.

Обсуждение абстрагирования могло бы послужить связующим звеном между многими частями книги. К сожалению, понимание, которое бы потребовалось, чтобы связать разные части таким способом, Хаякава не продемонстрировал. В главе «Сообщения, Заключение, Суждения» можно найти один пример использования слова «абстракция», и при этом процесс абстрагирования не упоминается в ней совсем. Я должен признать, что после того как он знакомит читателя с диаграммой,

он часто её упоминает далее по книге, но, как я уже говорил, эта версия слишком упрощена. Однако недостаток интеграции, вероятно, не бросается в глаза читателю незнакомому с общей-семантикой, и это то, что у Хаякавы получается хорошо – обратить внимание читателя на нечто ценное, что он хочет донести.

Главы о семантических средах, созданных рекламой и телевидением, и о том, как СМИ способствуют интенциональному ориентированию, заслуживают одобрения и похвалы. Обсуждение искусства и поэзии, и их символических функций открывают обширную территорию, на которую Коржибски особо не заходил. Эта тема заслуживает дальнейшего исследования с позиции общей-семантики. Последние две главы фокусируются на личных и социальных применениях и последствиях интенционального и экстенционального ориентирований. В них приведены сжатые и чёткие формулировки общей-семантики и необходимые материалы для читателей заинтересованных в общей-семантике.

Язык В Мысли И Действии оказала влияние на огромное количество людей, и, во многих случаях, положительное в продвижении общей-семантики. Очень жаль, что эта книга также представила общую-семантику в ложном свете. Я склонен думать, что ответственность за верное представление этой дисциплины, а также за её критику и дальнейшее развитие лежит на её популяризаторах. В этой функции время-связывания Хаякава большей частью потерпел неудачу. Жаль.

СНОСКИ

[1] Fox, Roy F. "A Conversation with the Hayakawas," *ETC. A Review of General Semantics* (Fall 1991) 48 #3 246-247.

[2] Hayakawa, S .I. and Alan Hayakawa *Language In Thought And Action* (Fifth Edition, textbook version). New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1990, p. vii.

[3] Fromkin, Victoria and Rodman, Robert. *An Introduction to Language* (Third Edition). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1983, pp. 167-168.

[4] Sacks, Oliver, *The Man Who Mistook His Wife for a Hat: And Other Clinical Tales*. New York: Perennial Library, Harper & Row, Publishers, 1987, p. viii.

[5] Laing, R.D. "Laing's Understanding Of Interpersonal Experience," in Gregory, Richard L., ed. *The Oxford Companion To The Mind*. New York: Oxford University Press, 1987, p. 417.

[6] Korzybski, Alfred. *Science And Sanity: An Introduction To Non-Aristotelian Systems And General Semantics* (Fourth Edition, 1958). Lakeville, CT: The International Non-Aristotelian Library Publishing Company, (now part of the I.G.S., Englewood, NJ) p. 397.

[7] Ibid., p. 397.

[8] Ibid., p. 405.

[9] Korzybski, Alfred, "The Role Of Language In The Perceptual Processes" In *Alfred Korzybski: Collected Writings, 1920-1950*. Kendig, M. (Collector and Arranger). Englewood, NJ : International Non-Aristotelian Library, Institute Of General Semantics, 1990, p. 715. Also in GSB # 36, 15 (1969).

****Решение состоит в том, чтобы задать не простой вопрос, а вопрос о вопросе, или вопрос второго порядка, на который оба робота ответят похоже. Если вы спросите любого из роботов, не зная, кто из них врёт, а кто говорит правду: «О какой двери мне скажет другой робот, что она ведёт к свободе?» И правдивый и лгущий робот укажут на дверь, ведущую к смерти. А вы выберете другую.**